

У $\frac{518}{243}$

ЮАННЪ ВЫШЕНСКІЙ.

(ЮЖНО-РУССКІЙ ПОЛЕМИСТЪ XVII В.).

Н. О. СУМЦОВА.

Изданіе редакціи „Кіевской Старины“.

К И Ю В Ъ .

1885.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., соб. домъ.

102.91

10

СОДЕРЖАНІЕ.

Одѣвка научныхъ и литературныхъ дѣятелей.— «Посланія» Іоанна Вышенскаго.— «Зачатка» Христофора.—Жизнеописаніе Іоанна Вышенскаго.—Пессимизмъ.—Остатки языческихъ обрядовъ въ Малой Россіи.—Ереси.—Вліяніе еретиковъ на православныхъ.—Неуваженіе къ иконамъ и кресту.—Насмѣшки надъ монахами.—Полемика съ латино-уніатами.—Латинская гордость.—Польское хвастовство старожитностью.—Король.—Паны.—Владыки.—Горожане и крестьяне.—Латино-уніатская наука.—Идеалы Іоанна Вышенскаго.—Греко-славянская школа.—Церковно-славянской и малорусской языки.—Характеристика личности Іоанна Вышенскаго.—Полемической тонъ.—Языкъ.

2007080024

У $\frac{318}{243}$

18988-45

ЮАННЪ ВЫШЕНСКІЙ.

(Южно-русскій полемистъ начала XVII ст.).

«Всякій человѣкъ рано или поздно ~~на~~падаетъ на свою па-
лочку»,—говорилъ В. Г. Бѣлинскій. Изреченіе вѣрное. Важное,
однако, значеніе имѣетъ то обстоятельство, когда и при какихъ
условіяхъ происходитъ распредѣленіе дѣятелей науки, литературы
и искусства по историко-культурнымъ полкамъ. Однѣ знаменитости
забыты быстро и навсегда. Историкъ не останавливается надъ ми-
шурными величіями. Интереснымъ въ данномъ случаѣ представляется
лишь рѣшеніе вопроса, какова была общественная среда и условія
быта, вызвавшія появленіе ложныхъ и беспочвенныхъ знаменитостей
на поприще общественной или литературной дѣятельности, что вы-
двинуло ихъ на высоту, что дало имъ имя и извѣстность. Многіе
дѣятели проходятъ свое жизненное поприще скромно, безъ шума,
безъ прославленія. Слава ихъ вырастаетъ впоследствии при безпри-
страстной исторической оцѣнкѣ. Жаль только, что правильная оцѣнка
таланта бываетъ иногда слишкомъ поздней, настолько поздней, что
дѣлается очевиднымъ, какъ много потеряла извѣстная общественная
среда, что по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, по собственной ли
культурной отсталости или по причинѣ внѣшнихъ давленій и тор-
мазовъ, своевременно не оцѣнила вышедшій изъ ея глубины талантъ
и не воспользовалась плодами его духовной дѣятельности. Любопыт-
нымъ явленіемъ въ исторіи культуры представляется то обстоятель-
ство, что нѣкоторые общественные и литературные дѣятели при

своей жизни пользовавшіеся среди современниковъ почетной извѣстностью, потомъ въ водоворотѣ событій были забыты. Въ теченіе десятилѣтій, даже столѣтій длится забвеніе. Впослѣдствіи потомство отдастъ должное давнопрошедшему дѣятелю, извлекаетъ дорогое имя изъ забвенія и, стяхнувъ пылъ съ драгоцѣнныхъ литературныхъ произведеній, разъясняетъ скрывавшіеся въ нихъ элементы любви къ истинѣ, правдѣ и добру.

Южно-русскій писатель начала XVII ст. Іоаннъ изъ Вышніи входитъ въ разрядъ временно забытыхъ. Среди современниковъ онъ пользовался извѣстностію и уваженіемъ. Лучшіе люди Малороссіи дорожили имъ. Его выдвигали, какъ энергическаго, умнаго и образованнаго защитника православнаго южно-русскаго народа отъ нападений латино-уніатовъ, пановъ и епископовъ. Ближайшее потомство его забыло. Два съ половиною вѣка длилось это забвеніе, рѣшительное и полное. Лишь въ послѣднія два десятилѣтія люди науки выдвинули имя Іоанна Вышенскаго и его сочиненія на видное мѣсто въ исторіи южно-русской литературы.

Въ 1865 г. археографическая комиссія издала второй томъ Актовъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи. Сюда вошли акты отъ 1599 до 1637 г. Въ концѣ тома помѣщено четыре сочиненія аѳонскаго монаха Іоанна Вышенскаго и одно сочиненіе іеродіакона печерскаго монастыря Леонтія о церковно-общественныхъ нестроеніяхъ въ южной Россіи. Эти сочиненія извлечены были изъ рукописи, хранящейся въ императорской публичной бібліотекѣ, писанной бѣлорусскимъ полууставомъ въ концѣ XVII в., въ 4-ку, на 203 листахъ. Іоанну Вышенскому принадлежатъ:

1) *Посланіе ко князю Василю Острожскому и ко вѣсьмъ православнымъ христіанамъ въ Малой Россіи*, стр. 205—224. Здѣсь говорится о римско-католической гордости, даются совѣты объ очищеніи церкви отъ «прелестей и забобонъ еретическихъ» и предлагается подробное объясненіе значенія иноческаго сана, иноческой жизни и въ особенности иноческой одежды.

2) *Посланіе ко вѣсьмъ православнымъ жителямъ юго-западной Руси и Польско-Литовскаго королевства*, стр. 224 — 227. Здѣсь находится краткое перечисленіе церковно-общественныхъ нестроений, обличеніе владыкъ и пановъ въ отступничествѣ отъ вѣры, въ корыстолюбіи и роскоши и приглашеніе пробиваться въ царство

небесное путемъ терпѣнія и благочестія, не возлагая надеждъ на епископовъ.

3) *Посланіе къ митрополиту и епископамъ юго-западной Руси, принявшимъ унию*, стр. 227—254. Въ этомъ обширномъ посланіи находится строгое обличеніе епископовъ отступниковъ въ корыстолюбіи, роскоши, жестокости, гордости, превышеніи власти, доказываεται право мірянъ осудить измѣнившихъ вѣрѣ духовныхъ лицъ, оправдываются мѣры патріарха Іереміа, направленныя къ ограниченію епископской власти нравственнымъ контролемъ со стороны церкви, и подтверждается случившееся въ одной православной церкви чудо, что при совершеніи въ ней латинской «мши» во время таинства евхаристіа вино обратилось въ воду. Въ подтвержденіе этого чуда вставленъ довольно длинный рассказъ о нападеніи латиновъ на аѳонскую гору слѣдующаго содержанія: одни монастыри защищались, изъ другихъ монахи разбѣгались по лѣсамъ; въ одномъ монастырѣ привѣтливо приняли католиковъ, приняли католицизмъ и стали служить латинскую обѣдню; во время этого служенія упали стѣны: латины, увидѣвъ это знаменіе гнѣва Господня, поспѣшили удалиться.

4) *Сочиненіе о заблужденіяхъ римской вѣры*, стр. 254—270. Здѣсь находится опредѣленіе прелести и мудрости змѣиной и опроверженіе латинскаго ученія *de Filioque*, древности римской церкви, главенствѣ папы и чистилищъ.

Въ 1883 г. С. Т. Голубевъ въ приложеніяхъ къ первому тому своего изслѣдованія о Петрѣ Могилѣ помѣстилъ «*Зачапку мудрого латынника съ глупымъ русиномъ въ диспутацию*» аѳонскаго инока Христофора. «Зачапка» извлечена издателямъ изъ рукописи кievской духовной академіи. Составлена она въ началѣ XVII столѣтія. Имя автора Христофоръ мы считаемъ псевдонимомъ, подъ которымъ скрывается Іоаннъ Вышенскій. Доказательства находятся въ самой «Зачапкѣ». Предметы сужденія въ посланіяхъ Вышенскаго и въ «Зачапкѣ» сходны, иногда тождественны. То, что въ посланіяхъ изложено особенно усердно и страстно, въ чемъ обнаруживается личное чувство автора, и въ «Зачапкѣ» изложено съ увлеченіемъ, бойко, оживленно. Въ языкѣ «Зачапки» и посланій крайнее сходство; конструкція фразъ, словесные обороты, сложеніе словъ,—все это чрезвычайно сходно; попадаются тождественныя

риторическія фігуры вопроса и отвѣта: «а то чомъ?—для того»... «а то якъ и для чего? для того»... тождественныя фігуры заключенія мысли: «о семь доздѣ», тождественныя эпитеты и характеристики предметовъ: «коварная діалектика, поганскій красномовный Аристотель, мистръ и мудрецъ прелестнаго вѣка сего (дьяволъ), глупая Русь, мудрый латынниче» (въ ироническомъ смыслѣ). Псевдонимъ въ данномъ случаѣ могъ возникнуть или по чувству самоохраненія или изъ желанія автора выразить однимъ словомъ свою близость къ источнику всякой истины и правды—Христу, вѣроятно же, изъ послѣдняго побужденія. Іоаннъ Вышенскій былъ человекъ не робкій. «Не для далекости отъ васъ будучи, писалъ онъ латинуніатамъ, я правду смѣле мовлю и правдою васъ постигаю, але за правду и умерети изволяю». «Зачанка» — одно изъ самыхъ большихъ посланій Іоанна. Въ книгѣ г. Голубева она занимаетъ стр. 67—108. Достоинства этого памятника—содержательность и сила. По ясности и простотѣ изложенія «Зачанка» немного уступаетъ «Посланіямъ», нужно думать, по той причинѣ, что автору пришлось тутъ вдаться въ богословскія разсужденія болѣе обширныя и сложныя, чѣмъ тѣ разсужденія, которыя находятся въ «Посланіяхъ».

Кромѣ четырехъ «Посланій» и «Зачанки» Іоанну Вышенскому, по свидѣтельству архіепископа Филарета, принадлежать еще: 1) *Наставленіе въ благочестіи старшии Домникии* и 2) *Позорище мысленное* (Обзоръ I. 244; ссылка на рукопись Царскаго № 486). Можно думать, что поименованными сочиненіями Іоанна не ограничивается его литературное достояніе. Можно думать, что въ теченіе ^{трехъ} четырехъ столѣтій нѣкоторыя сочиненія Іоанна Вышенскаго погибли. Такъ, авторъ «Зачанки» въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что онъ послалъ въ южную Русь три цвѣточка: 1) «Древо зовомое разумное, философія не поганскаго учителя Аристотеля, але православныхъ Петра и Павла; 2) Церковцу, въ которой о' учтивости оной короткимъ письмомъ изображено есть и 3) Маленькую пѣсеньку церковную». Цвѣточки эти не сохранились до настоящаго времени. Предлагая православнымъ издать «Соборникъ», Іоаннъ писалъ: «дайте намъ гласъ и поможемъ вамъ своимъ трудомъ на тое дѣло»... Какъ предложеніе Іоанна Вышенскаго было принято, и трудился-ли онъ по этому дѣлу—неизвѣстно.

Краткія замѣчанія, въ нѣсколько строкъ, объ Іоаннѣ Вышенскомъ находятся въ I томѣ «Обзора», въ III томѣ «Историческихъ Монографій» Н. И. Костомарова, въ «Исторіи возсоединенія Руси» г. Кулиша, во II томѣ «Изученіе византійской исторіи» Ф. А. Терновскаго, въ концѣ X тома «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева, въ «Приложеніяхъ» г. Голубева къ I тому сочиненія о Петрѣ Могилѣ, въ сочиненіи г. Завитневича о «Палинодіи». Большая статья С. Л—ва объ Іоаннѣ Вышенскомъ напечатана была въ «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» 1875 г., № 15, 17—21. Мы не могли достать этой статьи. Заимствовавъ два біографическія извѣстія у Терновскаго и г. Голубева, мы все свое изслѣдованіе построили на «Посланіяхъ» и «Зачанкѣ», преимущественно на «Посланіяхъ» Іоанна Вышенскаго.

Іоаннъ родомъ галичанинъ изъ мѣстечка Вышня, землякъ и современникъ Сагайдачнаго. Гдѣ онъ получилъ образованіе, гдѣ постригся въ монашество—вопросы открыты. Документальные памятники не даютъ на нихъ отвѣта. Изъ сочиненій Вышенскаго легко убѣдиться, что онъ свой сильный отъ природы умъ развилъ чтеніемъ сочиненій отцовъ и учителей церкви, въ особенности чтеніемъ книгъ св. писанія. Постриженіе въ монашество и удаленіе на аѳонскую гору произошло въ концѣ XVI ст. Дѣлая мимоходомъ замѣчаніе объ одномъ чудѣ, бывшемъ вскорѣ послѣ брестскаго собора, Іоаннъ замѣчаетъ: «самъ на той часъ у вашихъ краевъ нѣсмь былъ». Неизвѣстныя обстоятельства, вѣроятно, недовольство господствовавшими на родинѣ порядками, привели Іоанна на Аѳонъ. Отсюда онъ посылалъ южно-русскому народу и магнатамъ суровыя и краснорѣчивыя посланія. Аѳонъ былъ какъ нельзя болѣе подходящимъ мѣстомъ жительства для малоросса эмигранта XVII ст. Православный малороссіянинъ-аѳонитъ могъ сохранять самыя тѣсныя связи съ православнымъ украинскимъ народомъ, получать вѣрныя свѣдѣнія о событіяхъ въ родномъ краѣ, безпрепятственно изучать греческую и славянскую церковную науку и наносить латино-уніатамъ тяжелые полемическіе удары, не подвергаясь опасности встрѣтити со стороны противниковъ гоненіе или покушеніе на жизнь. Вышенскій, повидимому, превосходно воспользовался благопріятными условіями пребыванія на Аѳонѣ. Онъ внимательно слѣдилъ за церковно-общественными движеніями въ южной Руси начала XVII ст. и

своевременно сдѣлалъ нѣсколько весьма важныхъ разъясненій запутавшихся религіозныхъ дѣлъ. Признавая въ Іоаннѣ Вышенскомъ религіозно-политическаго эмигранта, нельзя однако, не замѣтить, что ему не былъ закрытъ доступъ въ Украину. Сколько-бы враговъ ни было у Іоанна, враговъ по религіознымъ вѣрованіямъ, по политическимъ и соціальнымъ принципамъ, никто не могъ лишить его возможности по временамъ являться въ Малороссію и живымъ словомъ, личнымъ вліяніемъ укрѣплять впечатлѣніе, произведенное посланіями. Польско-турецкія границы были очень неопредѣленны, шатки, и никто ихъ не оберегалъ въ смыслѣ воспрепятствованія перехода въ предѣлы польскаго государства лицъ вредныхъ или почитаемыхъ за вредныхъ. Въ южно-русскомъ обществѣ находились люди разнообразныхъ вѣрованій и убѣжденій, люди притомъ настолько сильные и могущественные, что на ихъ покровительство и защиту можно было вполне положиться. Іоаннъ Вышенскій приходилъ съ Аѳона въ Украину, на что имѣется весьма цѣнное указаніе въ житіи Іова Княгиницкаго, составленномъ современникомъ Іоанна Вышенскаго іеромонахомъ Ігнатіемъ изъ Любарова. Говоритъ о томъ, что знаменитый подвижникъ Іовъ Княгиницкій построилъ въ Галиціи скитъ, іеромонахъ Ігнатій замѣчаетъ, что «въ той часъ (въ началѣ XVII ст.) отецъ Іоаннъ Вышенскій, другъ его, отъ святыхъ горы прійде и поживъ съ ними нѣсколько время». При этомъ іеромонахъ Ігнатій отзывается объ Іоаннѣ Вышенскомъ такимъ образомъ: «бѣаше бо и той зѣло любя безсловіе и святъ бѣ мужъ и трудолюбець, яко же и отъ многихъ слышится» (Голуб., прилож. 229). Эта любовь къ иноческому аскетизму не давала Іоанну возможности остаться въ Малороссіи, влекла его на таинственный Востокъ, на Аѳонъ; Іоаннъ Вышенскій, повидимому, не долго пробылъ въ Малороссіи. Онъ снова удалился на Аѳонъ; соборъ кіевскій 1621 г. опредѣлилъ: «послать на аѳонскую гору, вызвать и привести преподобныхъ мужей русскихъ, въ томъ числѣ блаженныхъ Кипріана и Іоанна, прозваніемъ Вишневскаго, и прочихъ, тамъ находящихся, процвѣтающихъ жизнію и богословіемъ» (Гернов., II, 24). Это соборное постановленіе показываетъ, гдѣ лучшіе южно-русскіе люди 20 годовъ XVII ст. искали духовной поддержки и просвѣщенія, въ чемъ они усматривали источникъ мудрости, куда склонялись ихъ симпатіи. Нужно пожалѣть, что вскорѣ

вторглась въ южно-русскую науку чуждая ей римско-католическая схоластика, мало по малу заглушившая хорошіе всходы національной украинской письменности на греко-славянскихъ началахъ. Быть можетъ, званые не пришли; быть можетъ, они во вредъ родному краю добровольно похоронили себя въ крайнемъ аскетизмѣ и безмолвіи; быть можетъ, ихъ было недостаточно... А жизнь не ждала; потребность борьбы съ врагами вѣры и народности была слишкомъ велика, и черезъ десять лѣтъ пришлось уже схватиться за кievскую коллегію, какъ за наиболѣе подходящее орудіе религіозной борьбы и самозащиты. Какъ-бы то ни было, историческіе памятники ничего болѣе не говорятъ объ Іоаннѣ Вышенскомъ, и остается неизвѣстнымъ, пошелъ-ли онъ по призыву кievскаго собора на родину и здѣсь кончилъ свои дни, или отказался отъ всѣхъ мірскихъ дѣлъ и скончался на Афонѣ въ безмолвіи и неизвѣстности. Можно думать, что Іоаннъ Вышенскій всецѣло ушелъ въ безмолвіе и въ молитву, отказался на старости лѣтъ отъ всего, даже отъ горячо имъ любимой православной Руси. Войти въ сдѣлку съ міромъ онъ не могъ. Онъ былъ черезчуръ строгъ, слишкомъ требователенъ. При сильной любви къ родинѣ, при высокомъ патріотизмѣ, Іоаннъ Вышенскій былъ пессимистъ. Прилагая къ дѣйствительной жизни строгую нравственную мѣрку, онъ открывалъ въ современникахъ всеобщій упадокъ духовной жизни, крайнее развращеніе, и горевалъ, страдалъ за угнетенныхъ, рвалъ въ куски и давилъ своимъ чоботомъ угнетателей, ни мало не смущаясь тѣмъ, что подъ его «невытертымъ черевичищемъ» оказывались папа, король, епископы, свѣтскіе магнаты.

Мрачное, пессимистическое воззрѣніе Вышенскаго на южно-русское общество обнаруживается во многихъ мѣстахъ посланій. «Поеретичѣхомъ вси обиталници Малой Россіи, писалъ онъ въ посланіи къ кн. Острожскому, и отъ Бога устранихомся далече къ невѣрію и зло житіе припрагши». Въ другомъ мѣстѣ того-же посланія онъ обращается къ малороссіянину съ упрекомъ: «Русине, бывший благочестивый христіанинъ прежде и цѣломудрець, съ ляхи живущій нынѣ одѣтинѣлъ еси и раздѣлился». Съ особенной силой Іоаннъ обличаетъ южно-руссовъ въ посланіи своемъ ко всѣмъ православнымъ жителямъ юго-западной Руси и польско-литовскаго королевства: «Отъ главы и до ногъ оступѣли есте, отъ начальникъ, отъ священникъ и до простыхъ онечистѣли есте, осмрадиѣли есте

гноемъ міролюбія; образъ Божій огноили есте; нѣсть мѣста цѣлаго отъ грѣховнаго недуга,—все струпъ, все рана, все пухлина, все гнильство, все огонь пекельный, все болѣзнь, все грѣхъ, все неправда, все лукавство, все хитрость, все коварство, все кознь, все лжа, все мечтаніе, все сѣнь, все пара, все дымъ, все суета, все тщета, все привидѣніе; суще-же нѣсть ничтоже, нѣсть гдѣ плястра приложить на исцѣленіе нѣкоея части,—все смертоносный грѣхъ, все пекломъ, адомъ и гееною вѣчною смердитъ».

Обличая южно-руссозъ въ упадкѣ духовной жизни и въ размноженіи грѣховъ, Іоаннъ Вышенскій въ посланіи къ православнымъ жителямъ юго-западной Россіи замѣчаетъ: «Ознаймую вамъ, яко земля, по которой ногами вашими ходите и въ ней-же въ жизнь сію рожденіемъ произведени есте и нынѣ обитаете, на васъ передъ Господомъ Богомъ плачетъ, стогнетъ и вопіетъ, просячи Сотворителя, яко да пошлетъ серпъ смертный, серпъ казни погубительной, яко-же древле на содомляны, и всемірнаго потоцу, который-бы васъ погубити и искоренити могъ, изволяючи лучше пуста въ чистотѣ стояти, нежели вашимъ безбожествомъ населена и беззаконными дѣлы осквернена и запустошена». Подобнаго рода сѣтованіе земли на челоуѣчество за его грѣхи встрѣчается въ апокрифахъ, откуда оно проникло въ духовные стихи. Нельзя, однако, съ достовѣрностію сказать, имѣлъ-ли Іоаннъ Вышенскій подъ руками извѣстный апокрифъ съ сѣтованіемъ земли, или воспользовался имъ случайно по памяти, вспомнивъ кстати то, что давнымъ давно было прочитано, или наконецъ, воспользовался апокрифическимъ сѣтованіемъ земли, какъ общимъ мѣстомъ, странствующимъ благочестивымъ рассказомъ, независимо отъ того апокрифическаго цѣлаго, изъ котораго онъ взялъ. Извѣстно, что подобнаго рода поэтическія мѣста апокрифовъ превращались въ отдѣльные рассказы и духовные стихи, которые путемъ письменной и устной передачи свободно странствовали въ народѣ, вполне удовлетворяя его набожности и благочестію.

На вопросъ о томъ, какія явленія южно-русской жизни представлялись Іоанну наиболѣе порочными и дурными, отвѣтить легко; это прежде всего и болѣе всего явленія религіозно-нравственной жизни народа и затѣмъ стояція отъ нихъ въ зависимости явленія соціальныя. Въ эпоху наибольшаго возбужденія религіозныхъ споровъ, сильнаго проявленія, можно сказать, рѣшительнаго господства

въ народной жизни религіозныхъ вѣроисповѣдныхъ началъ, а такой эпохой было XVII столѣтіе, вниманіе Іоанна Вышенскаго естественно болѣе всего было обращено на поддержку православія и на устраненіе постороннихъ, противныхъ православію вѣрованій народа. Онъ боролся съ остатками язычества, съ ересями и въ особенности съ латинствомъ и уніей.

Такіе глубоко укоренившіеся въ народѣ языческіе праздники, какъ Коляда и Купало, такія языческія формы жертвоприношенія и славословія, какъ щедрилки, волочebныя пѣсни, поминальные пироги вызывали въ Іоаннѣ негодованіе и суровое слово обличенія. Въ посланіи къ князю Острожскому находится любопытный перечень южнорусскихъ праздниковъ и обрядовъ языческаго характера.

«Коляды зъ мѣсть и сель ученіемъ выженѣте; не хочеть бо Христось, да при Его рождествѣ дьявольскія коляды мѣсце мають, але нехай собѣ ихъ въ пропасть свою занесеть.

Щедрій вечеръ изъ мѣсть, изъ сель въ болота заженѣте, нехай зъ дьяволомъ сѣдять, а не съ христіанъ ся ругаетъ.

Волочельное по Воскресеніи, зъ мѣсть и зъ сель выволокси, утопите. Не хочеть бо Христось при своемъ славномъ Воскресеніи того смѣху и руганя дьявольскаго имѣти.

На Георгія мученика праздникъ дьявольскій на поле ишедшихъ сатанѣ офѣру танцами и скоками чинити разорѣте; гнѣваеть бо ся на землю вашу Георгій мученикъ, што не мать христіанина православнаго, которій ругане тое діавольское очистити и изгнати моглъ.

Пироги и яйца надгробные въ Острозѣ и гдѣ бы ся знаходило упразднѣте, да ся въ христіанствѣ тотъ квасъ поганскій не знаходитъ.

Купала на Крестителя утопите и огненное скаканіе отсѣчете; гнѣваеть бо ся Креститель на землю вашу, што ся на день памяти его попускаете діаволу ругатися вами зъ васъ же ся самыхъ.

Петръ и Павелъ молятъ васъ, если хочете отъ нихъ ласку мѣти, да потребите и поपालите колыски и шибеници, на день ихъ чиненые на Волянью и Подолу, и гдѣ бы ся только тое знаходити мѣло; мерзко бо имъ на землю съ небеси смотрѣти на тое діавольское позорище, христіанскимъ людемъ збираючися».

Не мало Іоаннъ Вышенскій заботился о томъ, чтобы малороссіяне не «раздирали церковь мнѣніемъ, ... прилагающе отъ своего

умысла что или отъимающе безстудіемъ». Онъ стремился очистить церковь отъ «прелестей и забобоновъ еретическихъ». Еретическихъ «забобоновъ» въ его время было много въ юго-западной Россіи. Сюда проникло рационалистическое ученіе Фауста Социна, требовавшее для разума полного простора въ объясненіи священнаго писанія, отвергавшее божественность Иисуса Христа, нѣкоторыя таинства и многіе обряды. Цвѣтущимъ періодомъ социніанства было время отъ 1585 до 1638 г., т. е. какъ разъ то время, когда жилъ Іоаннъ Вышенскій. Социніанскія общины были во многихъ городахъ Литвы и южной Россіи. Гнѣздомъ польско-литовскаго социніанства былъ городъ Раковъ, гдѣ находилась социніанская церковь, школа и типографія. Социніанство распалось на многіе толки. Въ одномъ посланіи Іоаннъ указываетъ на разнообразіе религіозныхъ вѣроисповѣданій въ южной Россіи въ началѣ XVII ст. «Овъ бо зовется папезвикъ; овъ зась нынѣ зъ евангелія вылѣзъ—евангелиста; овъ зась недавно выкрещеный; овъ зась—субботникъ». Вліяніе рационалистическимъ сектъ въ Малороссіи было настолько сильно, что въ однихъ случаяхъ происходилъ открытый и рѣшительный переходъ въ секту, въ другихъ возникало равнодушное отношеніе къ православію, соблюденіе его внѣшней обрядовой стороны, да и то не всегда. Въ силу религіознаго индифферентизма, изъ опасенія подвергнуться насмѣшкамъ иновѣрцевъ, православные уклонялись отъ поклоненія иконамъ, въ особенности отъ поклоненія кресту. Іоаннъ находилъ необходимымъ напомнить своимъ соотечественникамъ: «Иконное поклоненіе съ учтивостью почитайте, и въ домѣхъ, идѣже пребываете, образъ Матери Божія съ предвѣчнымъ ея Младенцемъ на стѣнахъ въ концѣ трапезы вашае пригвоздите. Крестомъ Христовымъ, до церкви пришедши, креститесь,—не соромѣте. Або вѣмъ, нынѣ христіане Малыя Россіи всѣ поеретичѣли, яко Креста Христова, славы своея, на Немъ же намъ спасеніе содѣяся, соромѣются. И не только въ церкви, але и на трапезу сѣдаючи, крестомъ знаменайте. Если-бы и латина, и еретики быти съ тобою ся прилучили, не соромейтеся рода ради прелюбодѣйнаго жизни сея, да не посрамлени будете на вселенскомъ позорищѣ, ибо нашае вѣры таинства весь міръ вмѣстити не можетъ; иншіе же вѣры всѣ суть прелести».

Если вліяніе иновѣрцевъ на православныхъ было такъ велико, что послѣдніе стѣснялись при постороннихъ, въ присутствіи ерети-

ковъ, поклоняться иконамъ и кресту, то тѣмъ болѣе они должны были стѣсняться въ присутствіи иновѣрцевъ входить въ общеніе съ неприглядными православными монахами. «Иноческаго чину не поругивайте...; благочестіе стратили и съ иноческаго чина ся смѣте, и духомъ проклятаго дьявола хулите», обращается Іоаннъ къ православнымъ. Такимъ образомъ оказывается, что православные монахи не пользовались въ южной Россіи въ началѣ XVII ст. уваженіемъ, что надъ ними смѣялись иновѣрцы, отчасти, должно быть, подъ вліяніемъ иновѣрцевъ. Со стороны откормленныхъ, выхолненныхъ, иногда даже элегантныхъ и образованныхъ латино-уніатовъ, вѣроятно, сыпался градъ насмѣшекъ и колкостей на неприглядныхъ и темныхъ православныхъ монаховъ. Къ такому предположенію приводятъ посланія Іоанна Вышенскаго. Самыя страстныя и горячія выраженія употреблены имъ въ защиту православныхъ монаховъ отъ взводимыхъ на нихъ латино-уніатами обвиненій въ грубости, пьянствѣ и невѣжествѣ. Защита православнаго иночества составляетъ весьма характерную часть своеобразныхъ сочиненій Іоанна Вышенскаго, характерную по содержанию и формѣ, по обрисовкѣ личности автора и всего общества.—«Чому ся ты, рымлявине, смѣени зъ духовнаго иноческаго чина? спрашиваетъ Іоаннъ Вышенскій, и предугадываетъ далѣе отвѣтъ католика: «Ты же ми, вѣдаю, отповѣси: для того ся смѣю, ижъ каптуръ или страшило на головѣ носить,—што мы зовемо клобукъ,—и зась смѣюся, ижъ волосе долгое носить и не подголився, и зась простое одѣне носить, што некшталтовне, яко въ мѣхъ, оболокся, и зась поясище пѣкчемное скужаное или ременное, черевичище—не мащъ на што погледѣти, или чоботица невытертіи, ажъ гадится поглядѣвши на нихъ; а до того—хлопъ простый, не знаетъ и проговорити съ чоловѣкомъ, коли его што запытаешъ». Этимъ, однако, не ограничивались неприглядныя стороны православнаго монашества. Іоаннъ Вышенскій, какъ человекъ искренній, прямой, не скрываетъ, что были и другія обвиненія, болѣе существенныя: «Але зась речеши, яко зло житіе мають иноки, по корчмахъ ходять и упиваються, и по господахъ обѣды чинять, и пріятельство собѣ зъ мірскими еднають, и до того гроши збирають и на лихву дають». Во всѣхъ этихъ обвиненіяхъ, несомнѣнно, было много правды. Іоаннъ Вышенскій, какъ человекъ добросовѣстный, искренній, не могъ не признать извѣстной доли основа-

тельности упрековъ православнаго монашества въ пьянствѣ и корыстолюбіи. «Не все бо пшеница въ посѣваню ся находить, говорить онъ по этому поводу, але знайдешь другую ниву, которая больше куколю, нежели пшеницы народить. Также и межи иноки въ dospѣваню на звѣтяжество того чрева мало ихъ есть». Опроверженія латино-уніатскихъ нападокъ на православные монашество, приводимыя малороссомъ-афонитомъ, съ логической стороны мало убѣдительны, но всѣ они въ высшей степени своеобразны и характерны, горячи и сильны. Защита Іоанна Вышенскаго распадается на двѣ части, на защиту внѣшнихъ сторонъ монашества,—иноческой одежды и на защиту моральной стороны современныхъ ему православныхъ монаховъ. Сначала Іоаннъ объясняетъ и оправдываетъ внѣшнюю непримамливую монашескую клобуку, пояс, сапогъ. Клобукъ, съ хвостомъ позади—страшило для бѣсовъ и знакъ презрѣнія къ міру и земной красотѣ. Длинные, не знающіе гребенки, волоса на головѣ—средство «женскую плоть въ огиду и мерзость на себя воздвигнуть», чтобы женщины при взглядѣ на косматаго и неумытаго монаха мыслью похотною не блудили, а «отъ мерзваци некраснаго образа помысломъ скоро отскочили и не согрѣшили». Ременный поясъ убиваетъ «подъ ремнемъ тѣлесныя кожи внутрь крыючіяся страсти, похоти и всякія пражненія грѣхолобивыя, придавлиючи кожу кожею и мощно стягивая черево». Нехорошую обувь монахъ для того носитъ, чтобы «безпечно на змію наступить и василиску голову сокрушить... Черевичище невытертое иноково якъ стало на одномъ мѣстѣ отъ вечера предъ Богомъ на молитву, тогда, яко камень неподвижный, доколь ажъ день освѣтитъ, стоитъ и бѣсы отъ той коморки, гдѣ ся молить, далеко отгоняетъ». Что касается до опроверженія нравственныхъ недостатковъ монашества, корыстолюбія, пьянства и невѣжества, то первое Іоаннъ признаетъ и не оправдываетъ, второе признаетъ и оправдываетъ, а третье рѣшительно не признаетъ. Тѣхъ монаховъ, которые собираютъ деньги и отдають ихъ въ ростъ, онъ называетъ хулой на иноческое имя, Іудами и хриstopродавцами. Наклонность къ выпивкѣ и излишество въ ѣдѣ Іоаннъ называетъ «грошовымъ» грѣхомъ и замѣчаетъ при этомъ: «трафится ему (т. е. православному иноку) отъ того чрева и отъ того горла звытяжится, тому не мало не чюдуйся, и я тому вѣрую, што трафляется и то въ вашей землѣ иноку, ижъ часомъ

и переночуетъ въ корчмѣ». Въ другомъ мѣстѣ Іоаннъ въ оправданіе допускаемой монахами случайной выпивки говоритъ: «Тому неборакови въ мѣсяцъ разъ трафится напиться, и то безъ браку, що знайдетъ, горькое-ли, или квасное, пиво албо медъ, тое глощеть, только-бы тую поганку утробу насытити могль, а по насыченю зась терпитъ, въ келію влѣзши, доколя ся ему другій такій праздникъ трафункомъ намѣритъ (т. е. случится).. А онъ зась, отшедши зъ корчмы въ свою келію, тотъ кусъ смачный и куфелъ оплакавъ и отжаловавъ и прощеніе отъ Бога пріялъ». Что касается обвиненія православнаго монашества въ невѣжествѣ, то Іоаннъ Вышенскій не отвергалъ, что южно-русскіе монахи малознаючи; онъ настаивалъ лишь на томъ, что ихъ малое знаніе есть дѣйствительное и богоугодное знаніе, а латино-униатская мудрость—прелесть міра сего. «Тое признаваю, што еси рекль, яко не вмѣеть инокъ зъ двораны, смѣхотворци, курцыяны шкурты и блазны (шутки) говорити, а то для того, ижъ онъ тые бесѣды и прожновства умориль, убиль и память тую мірскихъ справъ запамятанемъ погребъ, и въ простоту отъ мірскихъ хитростей ся переселилъ, только да съ Богомъ и къ Богу мыслию и памятью будетъ... А што-жъ инокъ не умѣеть бесѣдовати съ тобою: албо его пытаеши о борбѣ духу съ тѣломъ, албо его пытаеши о дьявольскихъ прилогахъ, албо его пытаеши о скорбѣхъ внутреннихъ, албо его пытаешъ о томъ, въ чомъ животъ вѣчный крется?.. Чѣмъ же ся ты ругаешъ съ инока, ижъ съ тобою не умѣеть бесѣдовати? Албо мнимаешъ, ижъ ты чого пожиточного въ замтузѣ научиль? албо мнимаешъ, ижъ ты што цнотливого у курвы слышалъ? албо мнимаешъ, ижъ ты што богобойнаго отъ шинкарки навикъ? албо мнимаешъ, ижъ ты што разсуднато отъ дудки и скрипки и фрюярника (польск. fryjer—волокита) разобравъ? албо мнимаешъ, ижъ ты отъ трубача, сурмача, пицальника, шамайника, органисты, рекгалисты, инструментисты и бубенисты што о дусѣ и духовныхъ рѣчахъ коли слышалъ? албо мнимаешъ, ижъ ты отъ всѣхъ пастыревъ, мысливцовъ (охотниковъ) или возовозовъ, возницъ или скачомудрець, кухаровъ или пирогахитрцовъ-пекаровъ што о богомысли навикъ? Чѣмъ ся ругаешъ, брате дворянине, зъ инока, ижъ не вмѣеть съ тобою говорити? А што-жъ ты маешъ за скарбъ разуму, да инокъ зъ тобою говоритъ? А што-жъ за пожитокъ говорки или бесѣды инокови съ тобою? А

чо́го-жъ ся инокъ отъ тебе научить?... Зась оборачиваюся къ тобѣ, ругателиви иноческаго чина и чудуюся тому твоему несносному осѣдланю тымъ тяжкимъ и бременоноснымъ сѣдломъ глупства? Чому ся смієшь зъ инока, ижъ онъ не умѣеть съ тобою говорити и трактовати, якъ пустое коло млынное, крутячи и выворочаючи безпожиточный тотъ языкъ? А што-жъ ты здороваго знаєшь да говоришь? Глубокимъ презрѣніемъ и страшнымъ негодованіемъ дышуть въ одномъ мѣстѣ опроверженія латино-уніатскихъ обличителей и поругателей малорусскаго народа, въ особенности его скромнаго и прииженнаго духовенства. «Подвигъ и борба есть жизнь тая (т. е. монашеская), которой ты не знаєшь; бо еще еси на войну не выбрався, еще еси доматурѣ, еще еси кровоѣдъ, мясоѣдъ, волоѣдъ, скотоѣдъ, звѣроѣдъ, свиноѣдъ, куроѣдъ, гускоѣдъ, птахоѣдъ, сытоѣдъ, сластноѣдъ, маслоѣдъ, пирогаѣдъ; еще еси периноспаль, мягкоспаль, подушкоспаль; еще еси тѣлу угодникъ; еще еси тѣлолюбитель; еще еси кровопрагнитель; еще еси перцолубецъ, шафранолубецъ, имберолубецъ, кгвоздиколубецъ, кминолюбецъ, цукролюбецъ и другихъ брѣдень горько и сладколубецъ; еще еси конфектолюбецъ; еще еси чревобѣсникъ; еще еси гортановстекъ; еще еси гортаногратель, еще еси гортаномудрецъ; еще еси дѣтна, еще еси младенецъ; еще еси мископій. Якъ же ты хочешь бѣду военника, бьючогося и борючогося, у цицки матерной у дома сидячи, розознаты, розсудиты?... Я васъ упеваю и тую тайну вамъ открываю: если-бы тые каптуреници межи вами не были, уже бо есте давно погибли,... яко слина исчезнете и заустѣете».

«Терпитъ Богъ латину — тое таемници не знаєшь? спрашиваетъ далѣ Вышенскій и затѣмъ продолжаетъ: «але Руси (т. е. уніатовъ) не терпитъ, але змѣняниковъ русскихъ искореняет!» Разъ Господь терпитъ латину, — Вышенскій, можно думать, и не трогальбы ее, не вступальбы съ нею въ борьбу, если-бы сама латина не вступала грубо завоевательнымъ образомъ. Латина внесла въ южную Русь раздоръ, кары, убійства, братоненавистничество. Латина разрывала южную Русь на части. Всѣ дурныя стороны челоѣческой природы были взбудоражены и подняты латиной для того, чтобы бросить малороссіянъ подъ туфлю римскаго папы: корыстолюбіе, лицемѣріе, обманъ, ложь, клятвoprеступничество, грубое пасиліе, тѣлесное наказаніе, убійство. Возбуждали и усиливали корыстолюбіе

православныхъ іерарховъ, чтобы общаніемъ папскихъ и королевскихъ наградъ привести ихъ къ уни; поддѣлывали богослужебныя книги и юридическіе акты, чтобы дать церковной уни каноническія и археологическія основанія; упорнымъ противникамъ подносили отраву, или бросали ихъ въ тюрьму, или подсылали подкупнаго убійцу. Всѣ мѣры, направленныя къ духовному порабоженію южной Россіи, получали въ Римѣ религиозную санкцію, въ Варшавѣ административное одобреніе, и мерзвѣйшія проявленія угнетенія, насилія, рабства, холопства совершались на законномъ основаніи in majorem gloriam римскаго папы. Іоаннъ Вышенскій въ сочиненіи о заблужденіяхъ римской вѣры перечисляетъ главныя проявленія воздвигнутыхъ католиками на православныхъ малоруссовъ гоненій: «сице нынѣ латина христіанамъ православнымъ творить, отновляюще прежде бывшее идолопоклонство и гоненіе, глаголюще: поклонися папѣ, прійми его календарь новоутворенный, на насъ истины ничтоже не глаголи... Аще-же не хотите, то имѣте ихъ и мучите досадами и бѣдами. Вы, войтове, бурмистрове, ландвойтове, власть мірская градская и повсюду, не дадѣте Руси ни едино пространство въ жизни ихъ, въ судехъ по Руси не поборайте, паче-же и кривдите, въ сусѣдствѣ любви не показывайте, ниже съ ними ся общѣте, паче-же ихъ ненавидите, въ купляхъ, торгахъ, ремеслахъ русинъ съ папезникомъ волности единой да не имать; въ цехахъ ремесницкихъ русину быти не достоинъ, доколѣ ся не папезить; на власти войтовства и бурмистровства и прочихъ строительствъ отъ русскаго народа да ся не поставляютъ, доколѣ ся у папеза не увѣруютъ. Аще-же симъ Руси не досадите и папѣ идолопоклонитися не хочуть, набоженство ихъ разорѣте, на праздники стараго календаря звонити не дадѣте, новый-же святити и праздновати съ силою понудѣте; аще-же и еще не послушаютъ, сакраментъ Христовъ обезчѣстете, на землю пролейте и ногами попрѣте и топчѣте, церкви запечатайте и отъ всѣхъ странъ бѣдно творѣте и досаждайте, да поне сими бѣдами и досадами повинуются и поклонятся папѣ и костелеви римскому; аще-же и сими досадами имъ не одолѣете, въ темницахъ затворяйте и безъ вины вины на нихъ налагайте, бійте, безчестите и убійте во имя найсвятѣйшаго папы».

По долгу чести, по чувству справедливости, по любви къ родному краю Іоаннъ Вышенскій не могъ остаться равнодушнымъ или

молчаливымъ зрителемъ южно-русскихъ религіозно-общественныхъ нестроений и латино-уніатскихъ козней. Онъ сталъ въ ряды мало-численныхъ защитниковъ православнаго южно-русскаго народа противъ нападеній могущественной и безцеремонной въ выборѣ средствъ «латины». Іоаннъ Вышенскій является однимъ изъ самыхъ раннихъ православныхъ религіозныхъ полемистовъ въ южной Россіи XVI—XVII столѣтій. Его религіозно-полемическая дѣятельность была отчасти опредѣлена предшествовавшими религіозно-церковными полемистами, преимущественно острожскимъ священникомъ Василюмъ, авторомъ небольшого противо-латинскаго сочиненія, вышедшаго въ 1588 г. «Хотѣхомъ, говоритъ Іоаннъ Вышенскій въ сочиненіи о заблужденіяхъ римской вѣры, о таинственной вечерѣ, календарѣ и прочіихъ премѣненіяхъ ихъ латинскихъ (отъ истины въ ложь и прелесть) обличительно писати; но занеже видѣхомъ, яко о всемъ томъ довольно Василій отъ божественнаго писанія написа, сего ради оставихомъ о семъ писати. Сіе Василюево писаніе испытахомъ извѣстно и увидѣхомъ, яко не отъ своея фантазін новоизобрѣтеннаго помысла, но отъ божественнаго писанія писа, яже написа». Содержаніе сочиненія Василя острожскаго распадается на шесть частей: 1) о единой, истинной, православной вѣрѣ; 2) о исхожденіи св. Духа; 3) о первенствѣ римскомъ; 4) объ опрѣсновахъ; 5) о перемѣнѣ въ празднованіи Пасхи, или о календарѣ и 6) о храмахъ и почитаніи иконъ (Филар., Обзоръ I, 237). Полемикой противъ римской церкви Іоаннъ Вышенскій занимается въ одномъ посланіи и въ «Зачапкѣ». Въ сочиненіи о заблужденіяхъ римской вѣры Іоаннъ Вышенскій сначала останавливается на опредѣленіи того, что такое прелесть и змѣиная мудрость, потомъ болѣе или менѣе подробно касается слѣдующихъ вопросовъ: 1) объ исхожденіи св. Духа, 2) о церкви старшей и начальнѣйшей, 3) о начальствѣ римскихъ папъ; 4) о послѣди быти хотящихъ плодѣхъ латинскихъ (перемѣна праздниковъ, крестнаго знаменія и др.) и 5) о чистилищѣ. Въ «Зачапкѣ» находится опроверженіе двухъ мнѣній Скарги: 1) «Греки словенскому языку науки своей не повѣдали» и 2) «Счастливый есть костель латинскій, изъ всюды, по всѣхъ сторонахъ своего послушенства науки и школы фундовалъ».

Опроверженія латино-уніатскихъ мнѣній въ сочиненіяхъ Іоанна Вышенскаго не представляютъ глубокаго и разносторонняго разбора

разностей между восточною и западною церквями; они не блестящи съ внѣшней, формальной стороны, со стороны фактической аргументаціи ¹⁾; при всемъ томъ они убѣдительно, потому что просто и ясно изложены и при этомъ выдвинуты немногія, характерныя доказательства, легко укладываемыя въ памяти; но самое главное то, что они проникнуты необыкновенной нравственной силой и искренностью. Іоаннъ Вышенскій писалъ,—употребляемъ выраженіе Бёрне,—кровью своего сердца (mit dem Blute des Herzens und dem Safte der Nerven), и потому все имъ написанное такъ сильно, горячо и, растворенное безкорыстной любовью къ родинѣ, такъ неотразимо и убѣдительно.

Въ началѣ посланія къ князю Василию Острожскому Іоаннъ Вышенскій выдвигаетъ сильное обвиненіе латино-уніатовъ въ гордости. Гордость, какъ извѣстно, выдающійся порокъ латинства, естественно вытекающій изъ властолюбія Рима. «Римъ всегда хотѣлъ властвовать», говоритъ Г. Гейне. «Когда легіоны пали, онъ послалъ въ провинцію догматы. Какъ гигантскій паукъ, гнѣздился Римъ въ центрѣ міра и заволокъ его безконечною сѣтью». Превосходно очерчена римско-католическая гордость въ романѣ Э. М. Достоевскаго «Братья Карамазовы», въ главѣ «Великій инквизиторъ». Спаситель пожелалъ появиться на время къ угнетенному всякаго рода бѣдствіями народу и спустился на землю въ Испаніи, въ Севильѣ, въ самое страшное время инквизиціи. Народъ непобѣдимой силой стремится къ Нему, слѣдуетъ за Нимъ. Онъ молча проходитъ среди ихъ съ тихою улыбкою безконечнаго состраданія. Солнце любви горитъ въ Его сердцѣ; лучи свѣта, просвѣщенія и силы текутъ изъ очей Его и, изливаясь на людей, сотрясаютъ ихъ сердца отвѣтною любовью. Онъ простираетъ къ нимъ руки, благословляетъ ихъ, исцѣляетъ отъ недуговъ. Въ это самое время проходитъ по площади самъ кардиналъ великій инквизиторъ. Онъ сразу понялъ, что передъ нимъ Спаситель и приказалъ стражамъ взять Его и отвести въ тюрьму. Толпа перемѣнчива и робка. Она преклоняется

¹⁾ Ученіе о Filioque отвергается, какъ не подтверждаемое евангеліемъ мѣтательное толкованіе; ученіе о первенствѣ римской церкви по времени возникновенія опровергается указаніемъ на возникновеніе христіанства и церкви Христовой въ Іерусалимѣ и т. д.

передъ великимъ инквизиторомъ, и Спасителя безпрепятственно отводить въ тюрьму. Здѣсь къ Нему является самъ великій инквизиторъ и говоритъ Спасителю, что пришествіе Его излишне и неумѣстно. Весь смыслъ суровой рѣчи инквизитора сводится къ тому: «все, дескать, передано Тобою папѣ, и все стало быть теперь у папы, а Ты хоть и не приходи теперь вовсе, не мѣшай до времени по крайней мѣрѣ». «Я примкнулъ къ сонму тѣхъ, которые исправили подвигъ Твой», говоритъ великій инквизиторъ и грозитъ Спасителю костромъ. Латинское высокомѣріе, римско-католическая гордость всегда выступали ярко; въ особенности-же эти тяжелыя свойства латинства обнаруживались въ періоды гоненій за вѣру, между прочимъ, въ періодъ разыгравшейся и разбушевавшейся латинской пропаганды въ южной Россіи въ XVII столѣтіи. Здѣсь латинское высокомѣріе тѣмъ болѣе подняло свою голову, что опиралось на вѣднѣе, такъ сказать, количественное, но тѣмъ не менѣе блестящее превосходство польской цивилизаціи надъ цивилизаціей южно-русской, имѣло на своей сторонѣ и въ свою пользу польско-іезуитскія коллегіи, широковѣщательныя казанья, историческую и богословскую литературу. Южно-руссамъ конца XVI и начала XVII столѣтія пришлось испытать на себѣ всю тяжесть латинскаго высокомѣрія, гордости и властолюбія, и потому такъ умѣстнымъ представляется суровое и правдивое обличеніе Іоанна Вышенскаго. «Въ той . . . книжкѣ (т. е. католической «Оборонѣ брестскаго собора») знашоль есми яму глубокою, говоритъ Іоаннъ Вышенскій, яму, которая адовыхъ послѣднихъ концовъ досягаетъ, тая яма, которую духозрители пропастію вѣчною называютъ, тотъ ровъ знашоль есми, который изривши его, самъ его ся вмѣтаеть, тую глубину знашоль есми, съ которіи погразнувшій николиже вернуться не можетъ. Которій-же то меневый ровъ, яма, глубина, пропасть? То есть превозлѣтающая мниманьемъ выше всѣхъ, зниходящая-же ся искусомъ ниже всѣхъ гордость, тая гордость, въ которой предпочиваетъ вѣка сего таинство, тая гордость, которая высокое чинитъ сердце, о которой рече Премудрый, яко есть передъ Господомъ нечиста, тая гордость, которая истекаетъ отъ высокаго сердца и изрыгается нагло гвалтовнымъ языкомъ наявно; тая гордость, которая отъ преисполненія сердечнаго вытискается въ широко-нечистые уста квалтомъ и языкояднымъ гласомъ ураняеть слышащихъ. И

что много мовити? Въ томъ гласѣ видѣлемъ явнаго фарисея»... Въ другомъ мѣстѣ посланія Іоаннъ Вышенскій даетъ краткую, но довольно выразительную характеристику того, въ чемъ преимущественно проявлялась въ его время латинская гордость: «тое возношеніе есть, который самага себя быти лѣпшимъ, зацнѣйшимъ и мудрѣйшимъ отъ другихъ разумѣть и наявно тое розумѣніе о себѣ гласомъ изъявляетъ». Какъ ни темень языкъ приведенныхъ мѣстъ, въ нихъ нельзя не видѣть, что основой латино-польскаго высокомѣрія во время Іоанна Вышенскаго были старожитность или древность рода и построенная на польско-латинскихъ началахъ образованность; это такъ сказать два краеугольные камня польско-латинскаго высокомѣрія. Послѣ этого понятно, почему Іоаннъ Вышенскій пускаетъ сильные перуны своего краснорѣчія противъ пановъ и настойчиво приравниваетъ ихъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи къ хлопамъ; понятна и его ненависть къ Аристотелю, какъ схоластической основѣ латинскихъ коллегій.

Въ одномъ мѣстѣ Іоаннъ Вышенскій затрогиваетъ короля-инновѣрца. Предлагая православнымъ выбрать достойное лицо въ епископа и просить короля о его утвержденіи, нашъ полемистъ далѣе замѣчаетъ: «котораго (т. е. духовнаго пастыря) если не схочетъ вамъ подати и не послушаетъ васъ, узрите его (т. е. короля) скоро оглохнувшя и онѣмѣвшя; зане поставленъ судъ правый судити, а не своей вѣры прелести фальговати» (содѣйствовать). Такой тонъ рѣчи относительно высшей предержавшей власти въ Польшѣ, короля, къ которому малороссіяне всегда, даже въ половинѣ XVII ст., при возстаніи Хмельницкаго, относились весьма почтительно и искали въ немъ защиты, заранѣе показываетъ, въ какомъ духѣ будетъ говорить Іоаннъ Вышенскій о тѣхъ «королевятахъ» — свѣтскихъ и духовныхъ магнатахъ, которые превратили Рѣчь-Посполитую въ панскій рай и мужицкій адъ, причемъ обрѣзали власть короля, такъ что отъ этой власти остались одни жалкіе обрывки. Отзывы Іоанна Вышенскаго о польской аристократіи, свѣтской и духовной, жестки, суровы, часто проникнуты язвительной насмѣшкой. «Постраждутъ власти мірскія,—они-же талантъ добръ, отъ Бога имъ данный, въ своихъ похотяхъ и сластяхъ гноятѣлеснаго погрѣбають, о размноженіи-же хвалы Божіей ничтоже

не дбають... Постраждуть и власти разумомъ владѣющія духовно, занеже за спасеніе душъ небрегутъ».

«Князья (польскіе) закону Божію не покарятся, обѣщницы татемъ, любяще мзду, гоняще за посулами, сиротамъ не судяще и суду вдовиць не внемлюще». Русскіе паны не далеко ушли отъ пановъ польскихъ: «на пановъ-же вашихъ русскаго рода не надѣйтесь, говоритъ Іоаннъ Вышенскій; въ нихъ-же нѣсть спасенія! всѣ бо живаго Бога и вѣры въ Него отступили, прелести-же еретической, любви духа тщеславнаго, жизнелюбію и лихоимству ся поклонили». Мало того: «нынѣ межѣ ляхи князья русскіе всѣ поеретичѣли и христіанства, истинной вѣры отступили, иноческій чинъ ругаютъ, лгутъ, клеветуютъ»... Въ подтвержденіе своихъ словъ Іоаннъ Вышенскій указываетъ на князей Слуцкихъ, которые «въ панежа хитраго увѣрили, простоту русскую отбѣгли, и потому домъ ихъ сталъ пустъ»... Главные недостатки польско-русскаго панства — высокоомѣріе, неправосудіе и въ особенности сластолюбіе и роскошь. «Панове надъ Бога богами вышшими надъ своими подручными подданными ся починили и надъ Творца, равнымъ зданіемъ образа своего всѣхъ почтившаго, судомъ беззаконнымъ вознеслися». «Некрещеные турки честнѣйшіе суть предъ Богомъ въ судѣ и правдѣ якой-такой, нежели крещеные ляхи». Паны «въ златоглавыхъ подушкахъ и китайчанныхъ пелюхахъ рождаются». «Чрево ихъ сластолюбивое, потравы богато утворенные, трапеза сребро-полмисная». Роскошь ихъ обнаруживается «во многихъ мисахъ, полмискахъ, приставкахъ черныхъ и сѣрыхъ, червонныхъ и бѣлыхъ юхахъ и многихъ скляницахъ и келишкахъ, и винахъ-мушкателяхъ, малвазьяхъ, аляконтахъ, ревулахъ, пивахъ розмаитыхъ, въ барилахъ съ медами, барылкахъ съ винами, шкатулахъ съ фляшами, наполненными виномъ, горѣлкою горко-дорогою, въ гордыхъ бадавѣяхъ (коняхъ): валахахъ, дрыггантахъ, ступакахъ, едноходникахъ, — колыскахъ, лектыкахъ, брожкахъ, карытахъ (экипажахъ), въ обилии слугъ». Франтовство и щегольство панское выражалось въ низкомъ стриженіи волосъ: «обычай бо есть мірскимъ на облупленную голову подголенца выструганаго, мыломъ вышарованнаго и вымаглеваннаго пильно смотрѣти и мыслью похотною блудити». На голову надѣвали красивую шапку и ею кичились, «косичку или перце запявши», «перекривляючи макгерку то на той, то на сей бокъ,

шію напяливши, яко индійскій куръ»; разными одеждами себя украшали, имѣя ненасытную любовь «къ прелести шматя того, златоглаву или ядамашку, шкарлату и иныхъ суконъ». Тутъ упоминается и «златоглавая делѣя» и «алтебасовый копенякъ», провадящіе въ адъ. Одной изъ забавъ польскихъ и русскихъ пановъ были «хорты, выжлы сытые и другіе кундысы (т. е. псы), а заботой— дабы «имъ боки полны, хребты ровны и гладки были». Любопытнымъ представляется еще слѣдующее обвиненіе пановъ въ сдачѣ шинковъ евреямъ: «ты всегда въ корчмѣ живеши и самъ шинкарямъ еси корчмы запродаеши, людскія сумнѣня опиваеши скупостью корчемнаго торгу, въ Афраимами жидовскими людское чрево оцѣневаеши, и тое поганство видѣти не хочеши, и очи, суда себе не видѣти, замурилъ еси».

Римско-католическое и уніатское духовенство въ погонѣ за благами міра сего не отставало отъ людей свѣтскихъ. «Днесъ бо въ лядской землѣ, говоритъ Іоаннъ Вышенскій, священники всѣ, якоже древле нѣкогда Елзавелины жерцы, черевомъ, а не духомъ офѣрюють». Высшее латино-уніатское духовенство, какъ извѣстно, комплектовалось изъ людей знатныхъ, «уроженныхъ», причемъ переходъ съ одной іерархической ступени на другую, высшую совершался очень быстро. «Не днесъ-ли каштеляне, говоритъ Вышенскій, дворяне, жолнѣры, воины, кровопролїицы, купцы, медвѣдники, а утро попами, а поутру бискупами, а по утру утрешнемъ арцибискупами починилися есте». Такое быстрое повышение обусловливалось или милостью короля, или, что гораздо чаще и обычнѣе было, являлось слѣдствіемъ подкуповъ. «Вамъ помогли (въ достиженіи іерархическаго сана), продолжаетъ Вышенскій, «румянцы (червонные, золотые) съ бѣлыми великими талары, полталарками, орты, четвертаки и потройники. А то якъ? Ото такъ, что славнѣйшимъ секретарямъ и рефендарямъ, похлѣбцамъ и тайнымъ лгарямъ его королевской милости, абы ся причинили и свѣдчили, якъ годный человекъ на панствованя бискупскихъ доходовъ и пожитковъ и своевольнаго и вшетечнаго мешканя на тыхъ имѣніяхъ и селахъ, бискупству належачихъ, за которую причину тому, особѣ завивши въ папирецъ сто, или якъ ся трафить, чирвоныхъ золотыхъ въ руку тыць, другому зась тыхъ-же шафранцовъ очелюбныхъ, завивши также, въ руку тыць; отправивши-же румяно-

любцовъ, потомъ ступимо до панеславнѣйшихъ особъ, тымъ засъ ворочки (т. е. мѣшочки) понаполнявши овымъ великихъ бѣлыхъ талаировъ, овымъ засъ полталаировъ, овымъ ортовъ и четвертаковъ, тому въ руку тыць, овому тыць и сему тыць, а писаредрачи южъ не бракують, и потройники съ грошами берутъ и деруть». Захвативъ такимъ способомъ духовную должность и связаннныя съ нею маетности, пастыри занимались только тѣмъ, что пили молоко овецъ и снимали съ нихъ волну, «алчными и жаждными чивили бѣдныхъ подданныхъ». Обращаясь къ латино-уніатскимъ владыкамъ, Іоаннъ Вышенскій говоритъ: «зъ сихъ, на сироты церковныя и прекормленіе ихъ отъ благочестивыхъ христіанъ наданныхъ, лупите и съ гумна стоги и абороги (рогатый скотъ) волочите; сами и съ своими слуговинами прекормлюетея, оныхъ трудъ и потъ кровавый, лежачи и сидячи, смѣючися и граючи, пожираете, горѣлки припуцапые курите, пиво троякое превыборное варите и въ процасть несытнаго чрева вливаете; сами и съ гостыми своими пресыщаете, а сироты церковныя алчуть и жаждуть, а подданные бѣдные въ своей неволѣ рочнего обходу удовольтіи не могутъ, съ дѣтьми ся стискають (горюють), оброку собѣ уймують, боячися, да имъ хлѣба до приплаго урожая дотягнет!»... «Нынѣ владыкове проклятіи фольварки собѣ починили зъ общихъ монастырей и мысливства (охотничьи своры) прекормлюють въ нихъ; съ тыхъ доходовъ, на богомольцы наданныхъ, дѣвкамъ своимъ вино (*вино*, приданое) готують, сыны одѣваютъ, жоны украшаютъ, слуги умножаютъ, барвы (родъ ливрей) справують, пріятелей обогачаютъ, кариты зиждуть, возники сытые и единообразные спрягаютъ». Страстью къ роскоши и корыстолюбіемъ высшаго духовенства Іоаннъ Вышенскій объясняетъ его переходъ въ унію. Переходомъ въ унію оно рассчитывало «прагнене ненасычное утолить» относительно наполненія сундуковъ и удовлетворенія разныхъ похотей. Понятно, что о соблюденіи церковныхъ уставовъ и о правильности церковной службы духовные іерархи мало заботились. Словесныхъ пастырей можно было узнать только «по брюху и самолюбію», говоритъ Іоаннъ Вышенскій. Не ограничиваясь обвиненіемъ латино-уніатскаго духовенства въ цѣломъ его составѣ, онъ дѣлаетъ вѣскольکو упрековъ въ сластолюбіи и роскоши Рагозѣ, Терлецкому, Потѣю и другимъ высшимъ іерархамъ русскимъ, перешедшимъ въ унію, причемъ упоминаетъ объ убійствѣ Филиппа маляра Терлецкимъ.

Іоаннъ Вышенскій возмущался тѣмъ, что свѣтскіе и духовные магнаты, при всей своей глубокой испорченности, свысока, презрительно и жестоко относились къ горожанамъ и крестьянамъ, жили всецѣло на ихъ счетъ и ихъ-же третировали en saaille, возмущался тѣмъ болѣе, что горожане и крестьяне составляли самый здоровый и нравственно-чистый слой населенія. Онъ возмущался тѣмъ, что лучшіе южно-русскіе люди-братчики иначе не слыли у епископовъ, какъ сапожники, кожемяки, хлопы. «Якъ-же вы духовными, але и вѣрными зватися можете, коли брата своего, въ единой купели крещенія вѣрою и отъ единой матери благодати ровно съ собой породившагося, подлѣйшимъ отъ себѣ чините, уничижаете и ни за что быти вмѣняете, хлопаете, кожемякаете, сѣдельникаете, шевцами на поруганіе прозываете... Пытаю тебя, ругателя имени, чимъ ты лѣпшій отъ хлопа; албо ты не хлопъ такой-же, скажи ми; албо ты не таяжъ матерія, глина и персть, ознайми ми; албо ты не тое тѣло и кровь; албо ты не тая жъ желчь хракотины, слина и тлѣніе; или ачей ты отъ камня утесанъ и не маешь кишокъ и слюзу холопскаго; ознайми ми... А егда показати не можешь, яко ты каменный, костяной или наветъ и золотый, только такой-же гной, и тѣло, и кровь, яко и всякъ человекъ, чимъ-же ты ся лѣпшимъ показати можеша надъ хлопомъ? Явно, явно ничимъ другимъ, только хулсю и величаніемъ гордости предъ человекъ, а предъ всевидящимъ окомъ окаяннѣйшій и всѣхъ тварей безчестнѣйшій еси». Іоаннъ Вышенскій съ любовью останавливается на южно-русскихъ крестьянахъ и горожанахъ. «Ваши милости, обращается онъ къ униатскимъ владыкамъ, обнажаете изъ обороу кони, волю, овцы у бѣдныхъ подданныхъ, волочите дани пѣняжныя, дани пота и труда отъ нихъ вытягаете и онихъ живо лупите, обнажаете, мучите, томите, до комягъ и шкутъ (рѣчныхъ суденъ) безвременно зимою и лѣтомъ въ непогодное время гоните... бѣдные подданные день и ночь на васъ трудять и мучать,—которыхъ кровь, силъ и працы, и подвига высавши, и нагихъ въ оборѣ и коморѣ учинивши, вырванцовъ вашихъ, вамъ предстоящихъ, фалюндышами, утрофинами и каразіями одѣваете, да красногладствомъ тыхъ слуговинъ око накормите; а тые бѣдници подданные и простой сермяжки доброй, чимъ-бы наготу покрыти могли, не мають. Зъ ихъ пота мѣшки, полны грошми золотыми, талармы, полталарки, орты, четвертаки и потройники, нацихаете, сумы до-

кладаете, а тые бѣдници шеляга, за что соли купити, не мають!» Іоаннъ Вышенскій съ особенной силой и очевиднымъ сочувствіемъ говоритъ о простой жизни горожанъ и крестьянъ, о хлопахъ, которые «изъ одной мысочки борцикъ хлебчуть, бицькимъ або муравскимъ кгермачкомъ (т. е. свитой) покрываются и сами себѣ панове и слуги суть». Понятно, что Іоаннъ вполне одобрялъ то предпочтеніе, которое константинопольскій патріархъ оказывалъ братствамъ въ дѣлахъ церкви, причемъ указывалъ на Господа, не призваннаго Анну и Каіафу въ проповѣдники спасенія.

Одной изъ главныхъ причинъ высокомѣрія, гордости и нравственной распущенности латино-уніатовъ Іоаннъ Вышенскій признавалъ, что они съѣли «много поганскихъ наукъ свѣди», «во тѣмъ поганскихъ наукъ затворилися». Злоковарная латинская душа насыщена языческими (поганскими) тщеславными и гордыми догматами. «Нынѣ поганскіе учителя, жалуется Іоаннъ Вышенскій, Аристотели, Платоны и другіе тѣмъ подобные машкарники и комедійники въ дворахъ Христа Бога владѣють». Очевидно, Іоаннъ Вышенскій имѣлъ слишкомъ смутное представленіе о великихъ греческихъ философахъ и судилъ о нихъ лишь по той «злоковарной» іезуитской поддѣлкѣ, въ которой они явились въ южной и западной Россіи. Онъ латино-уніатскую науку, построенную на схоластическихъ началахъ, считалъ продолженіемъ древней классической мудрости, и потому такъ энергично обрушился на «поганскихъ даскаловъ», Платона и Аристотеля. Въ его «Посланіяхъ» и въ «Зачапкѣ» разсыпано много колкостей на счетъ «философскаго ученія», «художества риторскаго ремесла», «хитродіалектическихъ силлогизмъ», «красномовнаго Аристотеля». Относясь вполне отрицательно къ латино-уніатской наукѣ, Іоаннъ Вышенскій отвергалъ все съ нею связанное, латино-уніатскія школы, латинскій языкъ, сценическія представленія. Школы латино-уніатскія—пропасть и погибель вѣчная; изъ нихъ выходятъ славолюбцы, болтуны, самохвалы, гордые фарисеи. Іоаннъ Вышенскій гордился тѣмъ, что православные латыни не знаютъ и комедій и машкаръ въ іезуитскихъ коллегіумахъ не изучають.

Развивавшуюся въ Малороссіи латино-польскую культуру Іоаннъ Вышенскій ни во что ставилъ, потому что она покупалась цѣной измѣны родной вѣрѣ и родной народности. Его, однако, никоимъ

образомъ нельзя назвать обскурантомъ, врагомъ знанія, Іоаннъ принципиально не отвергалъ знанія. Онъ требовалъ только, чтобы южно-русская наука питалась греко-славянскими источниками и служила всей народной массѣ; онъ не отдѣлялъ науку отъ православія и народности. Рѣшительно возставая противъ отдачи дѣтей православныхъ родителей въ латино-уніатскія школы, Іоаннъ въ то-же время предлагалъ отдавать ихъ въ школы, находившіяся при православныхъ церквахъ: «Боячися, говоритъ онъ въ «Зачапкѣ», жебы есте дѣти своя хитростію и ересью латинскою не отравили и не поморили, залечаю вамъ православнымъ правобѣрную школу, и по-раду даю, чого ся учити имѣють, чтобы дѣти ваши спасли и по васъ благочестіе задержали и христіанство своей вѣры не стратили. Впервыхъ Ключъ, или грецкую или словенскую грамматику да учать. По грамматичѣ-же, во мѣсто лживой діалектики, изъ бѣлаго въ черное, а изъ чернаго бѣлое перетворяти учащей, тогда-бо учать богомолбнаго и праведно-словнаго Часословца; во мѣсто хитрорѣчныхъ силлогизмъ и велерѣчивой риторики тогда учать богоугодно молебный Псалтырь; во мѣсто философіи, по воздуху мысль разумную скитатися зиждущей, тогда учать плачивый и смиренномудрый Охтайкъ, та-же конечное и богоугодное предспѣваніе въ разумѣ—дѣльное богословіе; тогда учать святую евангельскую и апостольскую проповѣдь, съ толкованіемъ простымъ, а не хитрымъ, не слухи (рѣчь умудривши токмо) чесати словомъ проповѣднымъ, але силу св. Духа влагати въ слышащихъ сердца». Требованія, очевидно, не малыя, вполне согласныя съ церковно-общественными потребностями южно-русскаго народа въ началѣ XVII ст. Тутъ предумотрѣно все главное въ религіозно-нравственномъ образованіи народа: воспринятіе науки на излюбленныхъ въ народѣ греко-славянскихъ началахъ и передача ее другимъ въ духѣ любви въ живомъ проповѣдномъ словѣ.

Замѣчательнымъ проявленіемъ національнаго самосознанія Вышенскаго служить, между прочимъ, энергическое отстаиваніе имъ въ посланіи къ кн. Острожскому и въ Зачапкѣ славянскаго языка, подъ который подкапывались латино-уніаты, отъ котораго мало по малу отказывались и православные подъ вліяніемъ обольстительнаго богатства западной, латинской науки. «Книги церковныя всѣ и уставы словенскимъ языкомъ друкуйте, говоритъ Іоаннъ Вышен-

скій... Нѣкоторые наши на словенскій языкъ хулятъ и не любятъ, — да знаешь заповно, яко того майстра дьявола дѣйствомъ творять. А то для того дьяволь на словенскій языкъ борьбу тую маеть, занеже есть плодоноснѣйшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любимѣйшій; понеже безъ поганскихъ хитростей и руководствъ, се же есть граматикъ, риторикъ, діалектикъ и прочіихъ ихъ коварствъ тщеславныхъ простымъ прилежнымъ чтеніемъ, безъ всякаго ухищренія къ Богу приводить.

Малорусскій языкъ въ произведеніяхъ Іоанна Вышенскаго играетъ почетную роль образовательнаго элемента въ жизни народа, является средствомъ духовной бесѣды и нравственнаго назиданія. «Евангелія и Апостола, говоритъ Іоаннъ, въ церкви на литургіи простымъ языкомъ не выворачайте; по литургіи-же, для выразумѣнн людского, по просту толкуйте и выкладайте».

Идеаль Іоанна Вышенскаго состоялъ въ томъ, чтобы малороссіяне, или, употребляемъ терминъ Іоанна, русины, достигли научнаго образованія и гражданскаго благосостоянія посредствомъ настойчиваго труда, не разрывая связей съ своимъ прошлымъ, на основаніи главныхъ краевыхъ особенностей, православной вѣры, церковно-славянскаго и малорусскаго языковъ, признанія за личностью крестьянина права на самостоятельность и свободу. «Не попы насъ спасуть, писалъ онъ южнорусскому народу, не владыки, не митрополиты, но вѣры таинство нашей православной, храненіе заповѣдей Божіихъ». Предлагая православнымъ издать «Соборникъ» и предвидя со стороны послѣднихъ замѣчаніе о недостаткѣ средствъ, Іоаннъ совершенно ясно высказываетъ свой идеаль общественнаго единенія для достиженія цѣлей образованія и гуманизма: «На тое вамъ отповѣмъ добрый способъ еврейскаго разума: обній слогъ въ карванъ¹⁾, кто вдовица ницетою двѣ лепты, шелюгъ, полгроша, а кто доволнѣйшій или панъ — золотый, десять, а наветь и сто за общую пользу и за свое спасеніе; ничто же дорожшее нѣтъ отъ душа, и въ то бы тое дѣло быти могло». Въ Іоаннѣ Вышенскомъ подъ скромной монашеской рясой, подъ «страшиломъ клобукомъ», въ «невытертыхъ черевичицахъ» скрывался вели-

¹⁾ Корвана — церковное казнохранилище въ древнемъ іерусалимскомъ храмѣ. — Н. С.

кій гражданинъ южнорусской страны. Это былъ человѣкъ, который многое отрицалъ, но и многое могъ создать; его духовно-творческія стремленія основывались на народныхъ идеалахъ, сливаясь съ стремленіями и пожеланіями южнорусскихъ горожанъ и крестьянъ. Іоаннъ Вышенскій до нѣкоторой степени напоминаетъ Пушкинскаго пророка. Томимый духовной жаждой, онъ удалился въ Аѳонскія пустыни; здѣсь явился къ нему шестикрылый Серафимъ—любовь къ угнетенной, обманутой, осмѣянной родинѣ,—вынулъ изъ его груди трепетное сердце и вложилъ въ нее уголь, пылающій огнемъ гнѣва и негодованія, открылъ ему зѣницы и обратилъ его вниманіе на всѣ современныя ему явленія южнорусской жизни, хорошія и дурныя, радостныя и печальныя, и бѣдный, малообразованный малороссіянинъ—аѳонитъ сразу прозрѣлъ въ глубину южно-русской жизни, увидѣлъ тайные ходы латино-уніатскихъ гадъ, замѣтилъ прозябаніе хлопа, и пошелъ на родину жечь сердца людей своимъ горячимъ, одухотвореннымъ словомъ. Можетъ быть, онъ, какъ Лермонтовскій пророкъ, былъ угрюмъ, худъ, блѣденъ, нагъ и бѣденъ; навѣрно, латино-уніатскіе владыки и попы презирали его; при всемъ томъ онъ посильно выполнилъ святой завѣтъ, который высшая сила влагаетъ въ сердце каждому человѣку,—завѣтъ «провозглашать любви и правды чистыя ученья».

Въ заключеніе намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о полемическомъ тонѣ и о языкѣ Іоанна Вышенскаго. Многочисленныя извлеченія изъ его Посланій и Зачатки, сдѣланныя нами, даютъ намъ уже достаточно полное представленіе о рѣзкости и суровости полемическаго тона. Любопытиѣ всего то, что самъ авторъ Посланій сознавалъ эти особенности своей полемики; онъ оправдывалъ ихъ такимъ образомъ: «А если-бы зась хто... на мене отъ зависти потварь сложити хотѣлъ, мовячи, яко доразливе и уципливе въ томъ писаню мовить, на тоє вамъ такъ отповѣмъ: научился отъ Христа истинны безъ похлѣбства ложъ лжею, волка волкомъ, злодѣя злодѣемъ, разбойника разбойникомъ, дьявола дьяволомъ звати». Рѣзкость и суровость полемическаго тона выкупалась у него силой и искренностью; что выразилось, между прочимъ, въ слогѣ и языкѣ. Фраза Іоанна Вышенскаго не длинна и не коротка, послѣдовательно разчленена на части, льется плавно, постепенно переходитъ съ одной степени усиленія на другую высшую степень и

удачно замыкается немногими сильными и выразительными словами. Скрытая въ ней сила авторскаго одушевленія тѣмъ выражается, что слова иногда начинаютъ рѣмоваться, напримѣръ: «Запевне вѣдайте, нехай васъ тое гордое дмухане и пышное фукане и широкословное блекотане, грозное розказанье и толстое отрыганье того вашего выкриканья, яко мы прелюбодѣйчищами быти бы мѣли отъ своей вѣры, не упевняеть». Сила рѣчи обнаруживается въ сравненіяхъ, эпитетахъ и иносказательныхъ выраженіяхъ; таковы выраженія: «дождевидное пролитіе мечтательнаго мниманія (т. е. мнѣнія)»; «трупъ гласа папежскаго невѣрія, нагло здохлый»; «къ курвѣ римской на блудъ убѣгать» (переходъ въ унию); четверо-рогатые Иисусоругатели (иезуиты). Разрѣшеніе вопроса—развязываніе узелка; разсмотрѣть прошлое—отвалить надгробный камень; нападеніе православнаго на католицизмъ—налетъ шершня на паутину; переходъ въ унию—лакомство на пироги. Сила рѣчи достигается, между прочимъ, употребленіемъ сложныхъ словъ: «аеровымыслный, скачомудрецъ, грошовладатель, богочревци, мясочревохотный, безхристорприходный, писародрачи», сопоставленіемъ синонимовъ: «буаетъ, хвалится, возносится, щедруетъ» и т. п., изрѣдка употребленіемъ глаголовъ, произведенныхъ отъ именъ существительныхъ: «кожемякать, сидѣльничать». Переводъ словъ довольно рѣдко встрѣчается: «студня или источникъ», «паздѣря или паутина», «уфундувати или основати», «дигнитарство или преложонство». Такой переводъ очевидно истекалъ изъ желанія Вышенскаго сдѣлать свои Посланія доступными для всѣхъ грамотныхъ людей южной Россіи. Лексиконъ Іоанна Вышенскаго—церковно-славянскій, съ значительной примѣсью народныхъ малорусскихъ и польскихъ словъ. Большинство малорусскихъ словъ Іоанна Вышенскаго встрѣчается и нынѣ въ Малороссіи повсемѣстно, напримѣръ: мусыть, пожитокъ, заховать, никчемный, омылка, скарбъ, подбгаты (подъ себя подвернуть въ борьбѣ), тесля, бридкій,—все слова хорошо извѣстныя. Въ Посланіяхъ и Зачапѣ находится нѣсколько любопытныхъ въ историко-культурномъ отношеніи словъ, требующихъ объясненія, напримѣръ: «кучка» въ значеніи дома, «хлопы простые въ своихъ кучкахъ и домкахъ сидять» (стр. 242); нынѣ малорусская куча, кучка употребляются въ значеніи клѣтки для куръ подъ печкой или подъ постельнымъ поломъ (см. Зап. Ю. З. О. Геогр. Общ. II. 140); въ сербск. кутя—домъ; «алтема-

совый копенякъ» — свита или кафтанъ изъ дорогой матеріи, украшенный золотомъ; оба слова турецкаго происхожденія; *alten-bazz* — золотая матерія, *Goldleinwand*; кобенякъ, корепекъ — плащъ (*Miklosich, Denkschrift, d. kais. Akad. d. Wissensch. in Wien 1884. XXXIV, XXXV*); «златоглавая деля» — епанча изъ золотистой матеріи; «шкута и комяга утробная» — въ польскомъ языкѣ *szkuta* — барка, *komaga* — водоходное большое судно, «кермаши пирожные» — подарки, отъ польск. *kiermasz*, храмовый праздникъ, ярмарка, пирь; «гмахъ коштовный» — большой хорошо убранный домъ. Къ числу темныхъ, малоопытныхъ для малороссіянина польскихъ словъ въ Посланіяхъ и Зачапкѣ относятся: выналъзокъ (изобрѣтеніе, открытіе), прагнене (жажда), паздѣри (паутина), сакъ (мѣшокъ, сума), саколюбець (корыстолюбивый), статечность (постоянство, вѣрность), змаза (пятно), злюзнить (клеветать, хулить), стлумить (укротить, унять), окгарь (*ogier*, жеребець), выжла (лягавый щенокъ), хортъ (*chart*, борзая собака), блазна (шутка), обора (стойло, хлѣвъ), кундысь (дворовая собака), бадавія (конь, лошадь), валахъ (меринъ, — встрѣчается и въ малорусскомъ языкѣ, между прочимъ въ фамильныхъ названіяхъ), дрыггантъ (жеребець), лектыкъ (носилки), шафаръ (ключникъ, экономъ), уфане (упованіе), встеклый (бѣшеный), хелпить (гордиться), отуха (бодрость, мужество), кукгловать (кривляться, шалить). Внимательный разборъ лексической стороны Посланій и Зачапки Іоанна Вышенскаго можетъ послужить предметомъ особаго, строго филологическаго изслѣдованія. Такого рода изслѣдованіе представитъ тѣмъ большій интересъ, если въ него войдутъ всѣ южнорусскіе литературные памятники конца XVI и начала XVII столѣтій, включительно съ «словено-россійскимъ лексикономъ». Памвы Берынды, который при подобнаго рода филологическомъ трудѣ, разумѣется, долженъ играть видную роль и занять въ изслѣдованіи первое и главное мѣсто.

Н. Ө. Сумцовъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 4-го апрѣля 1885 года.

Кіевъ, Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., собств. домъ.

ОПЕЧАТКИ.

	<i>Напечатано:</i>		<i>Должно быть:</i>
Стран.	1 стр.	1 <i>нападаетъ</i>	<i>попадаетъ.</i>
"	1 "	1 <i>палочку</i>	<i>полочку.</i>
"	3 "	21 <i>опроверженіе</i>	<i>опроверженіе.</i>
"	4 "	13, 16, 20, 27 <i>Зачалка</i>	<i>Зачалка.</i>
"	5 "	2 <i>„Образа“</i>	<i>„Обзора“ арх. Филарета.</i>
"	9 "	23 <i>мать</i>	<i>маиь.</i>
"	11 "	26 <i>свужаное</i>	<i>скураное.</i>
"	12 "	6 <i>православниіе монастыре</i>	<i>православное монастыство.</i>
"	14 "	21 <i>мисконій</i>	<i>мисковій.</i>
"	14 "	24 <i>каптуреници</i>	<i>каптуроносци.</i>
"	14 "	31 <i>раздоръ кары</i>	<i>раздоръ.</i>
"	17 "	25 <i>ихъ</i>	<i>народа.</i>
"	20 "	14 <i>панежа.</i>	<i>палежа.</i>

Въ Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ «Вѣстника Европы» и «Новаго Времени» и въ **Харьковѣ** въ книжныхъ магазинахъ Хавкина

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ Н. Ѳ. СУМЦОВА:

- 1) Князь В. Ѳ. Одоевскій. 1884 г. Цѣна 60 коп.
- 2) Лазарь Барановичъ. 1885 г. Цѣна 1 р. 50 коп.
- 3) Іоанникій Галатовскій. 1884 г. Цѣна 80 коп.
- 4) Иннокентій Гизель. 1884 г. Цѣна 50 коп.
- 5) Новѣйшая поэзія, какъ образовательное средство для крестьянъ. 1884 г. Цѣна 25 коп.
- 6) Характеристика южно-русской литературы XVII в. 1885 г. Цѣна 40 коп.
- 7) Религіозно-миѣическое значеніе малорусской свадьбы. 1885 г. Цѣна 40 коп.
- 8) Обрядовое употребленіе хлѣба. 1885 г. Цѣна 1 р. 50 коп.
- 9) Губернскія Вѣдомости, какъ пособіе при изученіи исторіи. 1885 г. Цѣна 20 коп.
- 10) Іоаннъ Вышенскій. 1885 г. Цѣна 40 коп.

РАСПРОДАНЫ:

- 1) Исторія колдовства въ Западной Европѣ. 1878 г.
- 2) О родинныхъ обрядахъ.
- 3) О свадебныхъ обрядахъ (магистерская диссертація).
- 4) Слободско-украинское дворянство въ произведеніяхъ Г. Ѳ. Квитки.

